

Нань Чуцин нахмурилась: этот страус не только порой ведет себя как дурочка, но еще и туговата на ухо.

Лифт прибыл, и они вышли, одна за другой. Нань Чуцин, шедшая впереди, бросила взгляд через плечо, достала телефон, нашла контакт некой госпожи Лю и нарочно повысила голос:

— Госпожа Лю, выясните, кто такие Лао Хун из офиса президента и тот тип из отдела разработки. Передайте им, чтобы завтра не приходили. Разберитесь с компенсацией, как положено.

— И еще, в будущем тщательнее подбирайте персонал. Тех, кто не справляется с работой и только и делает, что распускает сплетни, брать не нужно.

Произнося это, она украдкой поглядывала на Чжао Цзянсюэ. Заметив, как у той постепенно светлеют глаза и весь облик озаряется радостью, Нань Чуцин едва заметно улыбнулась.

В машине Чжао Цзянсюэ пристегнула ремень и уставилась в окно, а Нань Чуцин погрузилась в документы. Когда они остановились на красный свет, Чжао Цзянсюэ не выдержала и тихо позвала:

— Босс.

— Не мешай, — не поднимая головы, бросила Нань Чуцин. Помолчав немного, она добавила мягче: — Если столкнешься с чем-то подобным в будущем, говори сразу. Кто ты такая, я знаю лучше всех.

Чжао Цзянсюэ замерла. Загорелся зеленый свет, и на душе у нее тоже стало светло и тепло.

Во время совещания Чжао Цзянсюэ сидела в стороне. Переговоры шли не лучшим образом: господин Цзян, казалось, был чем-то недоволен. Он не выказал ни желания сотрудничать, ни прямого отказа. Нань Чуцин, не понимая причин, хотела уточнить детали, но собеседник под предлогом срочных дел выпроводил их. Нань Чуцин впервые столкнулась с таким холодным приемом. Обратный путь прошел в пугающей тишине. Почти добравшись до офиса, она сделала звонок, и после того, что она услышала на том конце провода, Чжао Цзянсюэ впервые увидела на лице босса такое мрачное выражение.

Больше Нань Чуцин ничего не сказала, лишь велела Чжао Цзянсюэ вернуться в офис, а сама уехала на машине.

Вернувшись после обеда, она немедленно созвала совещание и объявила о приостановке сотрудничества с корпорацией Цзян. Это известие прогремело как гром среди ясного неба: все отделы тут же зашумели, посыпались жалобы. Проект готовили с ноября прошлого года, три месяца упорного труда — и все коту под хвост, разве можно не злиться? Несколько недовольных сотрудников пытались пойти к Нань Чуцин, но неизменно выходили из кабинета с поникшими головами. Проект заморозили, все вернулись к текущим делам, но до самого

вечера в офисе царил гнетущая атмосфера.

Нань Чуцин молчала, но Чжао Цзянсюэ чувствовала: она в ярости, в самой настоящей, кипящей ярости. Это проявилось вечером, когда после работы она повезла Чжао Цзянсюэ в элитный ресторан на берегу реки, о котором та даже не слышала, и заказала бутылку вина.

Помимо деловых встреч, Нань Чуцин почти не пила. Чжао Цзянсюэ тоже была не по этой части, но в тот вечер она, вопреки всему, выпила бокал и даже подбила на это Чжао Цзянсюэ. Нань Чуцин обладала завидной выносливостью к алкоголю: хоть и не любила пить, но могла выпить много. А вот Чжао Цзянсюэ — нет, она была из тех, кого «развозит» с одного бокала.

Но Нань Чуцин этого не знала. Она впервые пила с Чжао Цзянсюэ и, глядя, как та осушает бокал, как краснеет ее лицо и расплывается улыбка, молча забрала у нее фужер. Чжао Цзянсюэ не позволила, выхватила бокал обратно и поставила на стол. Она покачивалась, словно неваляшка, и, глядя на Нань Чуцин, глупо хихикала. Наблюдая за ее милым, сияющим лицом, Нань Чуцин почувствовала, как гнев постепенно улетучивается.

Нань Чуцин приложила руку ко лбу и вздохнула:

— Столько дел в последнее время.

Чжао Цзянсюэ кивнула:

— Босс, вы такая хорошая.

— Немного раздражает.

— Босс, ну как вы можете быть такой хорошей?

Это был один из немногих моментов, когда Нань Чуцин открывала кому-то душу, возможно, из-за выпитого вина. Но собеседница была пьяна и несла полную околесицу. Нань Чуцин беспомощно улыбнулась, ее взгляд поднялся от бокала к лицу Чжао Цзянсюэ, и она замерла.

Она смотрела, как пряди волос Чжао Цзянсюэ легко развеваются на речном ветру, придавая ее и без того ослепительной красоте нотку хрупкости. В мерцающем свете каждое ее движение и улыбка были полны очарования. Заметив, что на нее смотрят, Чжао Цзянсюэ подняла глаза — в них, словно в глубоком омуте, отражалась нежность и вся преданность человеку напротив.

Сердце Нань Чуцин снова забилося: тук-тук.

Чжао Цзянсюэ снова широко улыбнулась — так ярко, как полуденное солнце, так ослепительно, как фейерверк, пронзая сердце и пленяя душу.

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук-тук-тук...

Чжао Цзянсюэ выпила еще бокал и отключилась. А сердце Нань Чуцин продолжало бешено колотиться.

Ей стоило огромных усилий дотащить Чжао Цзянсюэ до дома. Дело было не в том, что та была тяжелой или буйной, просто пока она несла ее, постоянно подходили люди и спрашивали, не нужна ли помощь, что невероятно раздражало. А когда вызвала водителя, тот то и дело поглядывал на Чжао Цзянсюэ, что тоже вызвало у нее недовольство. Справляться с чувствами оказалось гораздо сложнее, чем с людьми.

Дома Нань Чуцин отнесла ее в спальню, уложила, укрыла одеялом и вышла. Вернувшись в свою комнату, она приняла душ, выпила снотворное, легла и закрыла глаза, но перед мысленным взором стояла только Чжао Цзянсюэ. Нань Чуцин решила, что с ней что-то не так: она никак не могла уснуть, стоило вспомнить Чжао Цзянсюэ, как сердце начинало выпрыгивать из груди. Она ворочалась с боку на бок и лишь спустя долгое время провалилась в тяжелый сон.

На следующее утро она проснулась разбитой, словно и вовсе не спала. Приведя себя в порядок, Нань Чуцин спустилась вниз и увидела Чжао Цзянсюэ, стоящую у обеденного стола. Та уже подготовила завтрак — фруктовый сок и овощной салат — и, подобно идеальному дворецкому из комиксов, почтительно ждала ее.

Нань Чуцин замялась. Глядя на сияющую Чжао Цзянсюэ, она впервые в собственном доме почувствовала неловкость.

— Босс~ — сладко пропела Чжао Цзянсюэ.

Нань Чуцин вздрогнула.

— Кушать подано, — радостно сказала Чжао Цзянсюэ. Проснувшись утром и обнаружив, что лежит в кровати в одежде, даже не сняв носки, она прониклась к Нань Чуцин глубочайшим уважением. Если раньше неожиданный денежный перевод заставил ее быть благодарной, то после вчерашних событий Нань Чуцин стала в ее глазах выше самих небожителей. Она решила отныне оказывать ей высшие почести. Если бы не страх, что ее сочтут сумасшедшей, она бы даже начала воскурять ей благовония.

Нань Чуцин почувствовала себя не в своей тарелке и вежливо спросила:

— Почему так рано встала? — Она посмотрела на салат: зеленый, красный, белый — аппетита не было ни на грамм. Она вдруг поняла, что ни разу не видела, как Чжао Цзянсюэ завтракает. Каждый раз, когда она ела, та стояла рядом, наблюдала, а закончив, быстро убирала посуду и уходила с ней.

— А ты сама что ешь?

— Яйцо, — улыбнулась Чжао Цзянсюэ.

— Яйцо?

— Угу.

Нань Чуцин огляделась — яиц не было.

— Давай поедим вместе, — вяло предложила она.

Чжао Цзянсюэ не шелохнулась, лишь пристально посмотрела на нее:

— Босс, вы не хотите это есть?

— Нет аппетита. — Вчерашнее вино и ночные кошмары вымотали ее, она чувствовала себя совершенно разбитой и не хотела еды.

— Может, сок?

Нань Чуцин бросила взгляд на стакан апельсинового сока. Он выглядел холодным. В доме было тепло, но на дворе стояла ранняя весна, и внутри было так же холодно, как в ее желудке. Аппетита не было совсем.

— И его не хочешь? — Чжао Цзянсюэ видела, как устало и подавленно выглядела Нань Чуцин, и развернулась на кухню.

Нань Чуцин мельком взглянула ей вслед и тут же отвела глаза, вспоминая свои странные сны. Самое пугающее было то, что, хоть лиц в них она не видела, она точно знала — это была Чжао Цзянсюэ. Нань Чуцин вздохнула: кажется, ей снова пора к врачу.

Чжао Цзянсюэ быстро вернулась из кухни с подносом, на котором стояли медово-цитрусовый чай, сэндвич и яйцо.

— Выпейте это, — она протянула ей чай.

— Это что? — Медово-цитрусовый? Она приготовила его с самого утра?

— Это очень вкусно, — улыбнулась Чжао Цзянсюэ.

Нань Чуцин с сомнением взяла стакан — теплый, должно быть, приятно. Она сделала глоток: не слишком сладко, именно так, как она любит. Она почувствовала прилив сил, а тяжесть в желудке немного утихла. Нань Чуцин сделала еще глоток.

Увидев это, Чжао Цзянсюэ расцвела.

— Босс... — нерешительно начала она.

— М?

— Просто... — она не знала, как сказать.

— Говори, — Нань Чуцин сделала еще глоток и покосилась на сэндвич. Неужели это она тоже приготовила с утра?

Чжао Цзянсюэ набрала воздуха в легкие и начала наставлять:

— На самом деле, я давно хотела сказать: босс, ваш утренний рацион никуда не годится, ни питательности, ни пользы. — Она отодвинула салат и пододвинула сэндвич (вообще-то она хотела сварить кашу, но побоялась, что Нань Чуцин не привыкла). — В народе говорят: хорошо позавтракаешь — дольше проживешь. Нельзя начинать день с такого скудного питания, организму нужны силы, а вы так много работаете, завтрак должен быть сытным. — Говоря это, она начала чистить яйцо.

— ... — Какая же она шумная.

— Яйцо.

Нань Чуцин нахмурилась и отвернулась.

— Ешьте.

— Не люблю. — Варёное яйцо было совершенно безвкусным.

Еще и перебирает? Чжао Цзянсюэ вернулась на кухню и принесла маленькое блюдо с соевым соусом:

— Макайте в это, будет вкусно.

— Яйцо? С соевым соусом? — И вприкуску с медово-цитрусовым чаем? Нань Чуцин подняла бровь.

Ну что еще? Не веришь? Чжао Цзянсюэ окунула яйцо в соус и поднесла к ее губам:

— Попробуйте.

Нань Чуцин вздрогнула:

— Я сама, я сама! — она поспешно протянула руку, забрала белое яйцо, с легким отвращением взглянула на него, а затем перевела взгляд на Чжао Цзянсюэ. Похоже, отвертеться не удастся.

Нань Чуцин откусила кусочек. Не жуя и не глотая, она натянула неловкую улыбку. Чжао Цзянсюэ была не душой и понимала, что это первый шаг к успеху.

Увидев, что та больше не пристаёт, Нань Чуцин с облегчением положила надкушенное яйцо на тарелку. Чжао Цзянсюэ тут же взяла его и съела. Нань Чуцин остолбенела. Но ведь она же его надкусила! Она вспомнила, как в прошлый раз в забегаловке Чжао Цзянсюэ своими палочками, которыми уже ела, положила ей кусок мяса моллюска. Неужели она настолько не брезглива?

— Это... я же откусила.

— А? — Чжао Цзянсюэ замерла. И правда. Черт, совсем не подумала. Ей стало неловко, и она поспешно извинилась: — Простите, привычка.

— Привычка? — Нань Чуцин нахмурилась.

— Э-э... ну, в нашем даосском храме много людей, особенно детей, часто доедаем друг за другом. Я больше не буду, извините. — Чжао Цзянсюэ чувствовала себя ужасно виноватой. Вдруг босс подумает, что она какая-то сталкерша? У-у... она ведь просто не хотела переводить продукты!

<http://bllate.org/book/22463/2363271>